

Динамика образа мира личности в ситуации утраты близкого человека

А. И. Грекова-Кононова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Грекова-Кононова А. И. Динамика образа мира личности в ситуации утраты близкого человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 2. С. 260–277. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.204>

В статье представлены результаты исследования изменения образа мира личности в ситуации переживания утраты близкого человека. В лонгитюдном исследовании, включающем три замера с разницей в три месяца, приняли участие 80 человек, которые пережили смерть близкого от 1 месяца до 2 лет назад. Для исследования динамики образа мира использовались: модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда, тест экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле, технология «Глубина осмысленности жизни» П. Иберсола, опросник посттравматического роста Р. Тадеша и Л. Калхауна. Статистические методы: частотный анализ, описательные статистики, контент-анализ, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), непараметрический критерий Фридмана. Результаты: 1) динамика образа мира в ситуации утраты отличается гетерохронностью и неравномерностью: изменения перцептивного слоя образа мира носят достаточно локальный характер и показывают, что наиболее чувствительным к изменениям является характеристика «хаотичный — упорядоченный»; изменения семантического слоя образа мира оказались наиболее динамичными и связанными с трансформацией отношения к другим людям в сторону открытости, позитивности, сострадания; изменения ядерного слоя образа мира больше касаются появления ощущения новых возможностей, новых интересов, желания изменений, повышения ценности жизни, обретения новых жизненных смыслов; 2) в отношении объекта, срока и причины утраты, а также возраста и гендера можно отметить их ситуативное влияние в процессе переживания утраты на изменения образа мира и его компонентов.

Ключевые слова: образ мира, ситуация утраты, динамика, смерть близкого, психология личности, процессуальный подход.

Введение

Образ мира — особое образование в структуре личности. Будучи глубоко персонифицированным, образ мира отражает целостное представление человека о том, кто или что его окружает, о себе и своей активности. Вслед за А. Н. Леонтьевым (Леонтьев, 1983), С. Л. Рубинштейном (Рубинштейн, 2003) и В. П. Серкиным (Серкин, 2006) мы понимаем образ мира как «интегральную индивидуальную систему значений» личности, смысловую составляющую ее взаимодействия с миром, на основе которой человек строит объяснительные модели своей жизни.

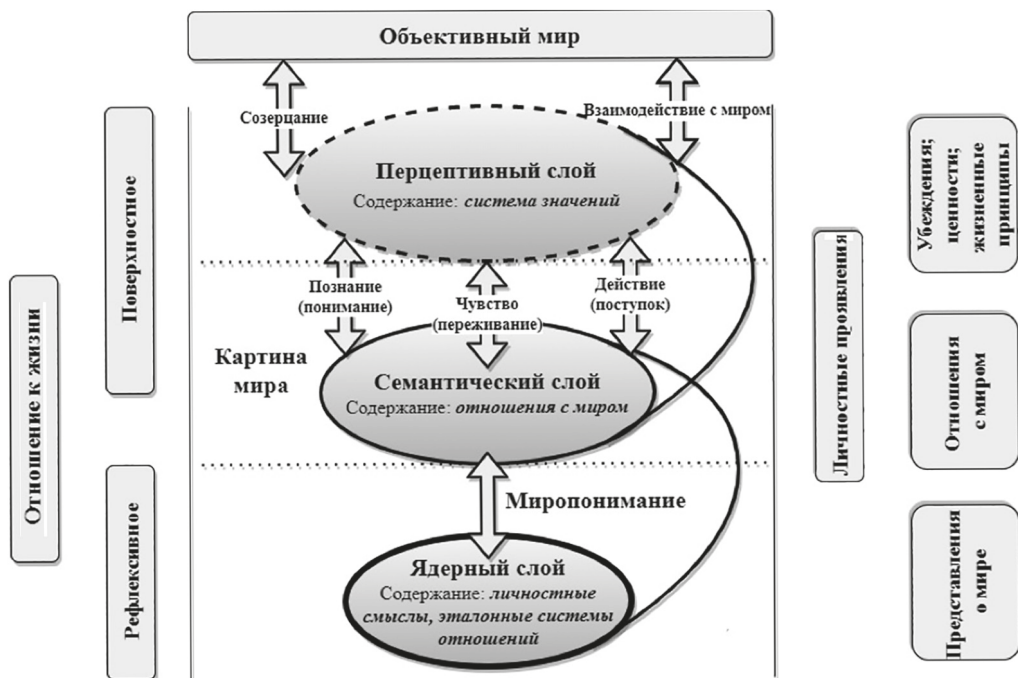

Рис. 1. Процессуальная модель образа мира личности
 Источник: Кононова, Костромина, 2023, с. 22.

Как и любая психическая реальность, образ мира контекстуален и чувствителен к событиям, происходящим с человеком (Гришина, 2023; Левин, 2001), трансформируется не только по мере становления, но и во взрослом возрасте. Наша работа представляет собой продолжение развития идей процессуального подхода, заложенного в трудах отечественных ученых (Анцыферова, 1981; Рубинштейн, 2003; Брушлинский, 2003; Костромина, Гришина, 2018), в фокусе внимания которого находятся изменения образа мира личности в ситуации утраты близкого человека. Теоретико-методологическая разработка понятия «образ мира» с опорой на существующие модели (Артемьева и др., 1983; Серкин, 2008), позволила выделить его основные компоненты: индивидуальная система значений, личностные смыслы и способы взаимодействия человека с миром, а также, согласно процессуальной модели, раскрыть структуру образа мира по уровню:

- 1) перцептивный слой;
- 2) семантический слой;
- 3) ядерный слой (Кононова, Костромина, 2023) (рис. 1).

При переживании экстремальных ситуаций происходят изменения во всех трех слоях. Например, в ядерном слое образа мира может повыситься ценность любви и счастливой семейной жизни и снизиться ценность воспитанности и рациональности; в семантическом и перцептивном слоях может произойти сдвиг в сторону большей ответственности, осмысленности своего образа жизни и человечности в отношениях с окружающими (Мишина, Серкин, 2016).

К событиям, влияющим на изменения образа мира, несомненно, относятся и ситуации безвозвратной потери (ухода из жизни) близкого человека, сопровождающиеся глубинными переживаниями горя. Исследование ситуации утраты и процесса горевания имеет длительную традицию изучения, начиная с ранних работ зарубежных и отечественных авторов (Фрейд, 1984; Линдемэнн, 1984; Василюк, 1984; Кюблер-Росс, 2001) и заканчивая более поздними и современными работами (Заманаева, 2007; Worden, 2018; Бурина, Добрякова, 2018; Барина, Малютина, 2020; Баканова, Сысоенко, 2022).

Среди множества научных подходов к пониманию утраты нам ближе всего направление, которое рассматривает переживание утраты как смысловую реконструкцию (Neimeyer, 2001; Silverman, 2002; Browning, 2002), где в фокусе внимания находится процесс изменения внутренних смыслов и значений. Авторы этого подхода указывают, что переживание горя влияет на мировоззрение человека, его ценностно-смысловую сферу, отношение к другим людям и миру. Они также рассматривают возможности развития духовности и посттравматического роста личности, связанного с конструированием и интеграцией новых смыслов, полученных в результате опыта переживания утраты и приводящих к изменениям ценностно-смысловой сферы личности.

Таким образом, для многих утрата и процесс горевания становятся поворотным событием жизни, связанным с изменением представлений человека о мире, его отношениях и способах взаимодействия с ним. Однако данных о том, каким именно образом этот процесс происходит для конкретного человека, что именно изменяется в его образе мира при завершении процесса горевания, практически нет (особенно в отечественной психологии).

Целью исследования является выявление изменений образа мира личности в ситуации утраты близкого человека.

Гипотезы исследования:

1. Изменения перцептивного, семантического и ядерного слоев в образе мира личности в ситуации утраты близкого человека неравномерны и гетерохронны;
2. На изменения образа мира личности влияют объект утраты, срок утраты и причина смерти близкого человека.

Методы

Для исследования перцептивного слоя образа мира использовался модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда (Ch. Osgood) (Серкин, 2008), позволяющий раскрыть общие представления о мире. Респондентам предлагалось оценить характеристики мира с помощью 25 пар прилагательных-антонимов (например, «легкий — тяжелый» и т.п.) по семибалльной шкале относительно выраженности данных качеств в мире.

Для исследования семантического слоя образа мира применялся тест экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле (A. Längle) в адаптации В. Б. Шумского, Е. М. Уколовой, Е. Н. Осина, Я. Д. Лупандиной (Шумский и др., 2016). Данная методика позволяет выявить уровень экзистенциальной исполненности личности на основании выраженности четырех фундаментальных мотиваций:

- 1) фундаментальное доверие;
- 2) фундаментальная ценность;

3) самоценность;

4) смысл жизни, отношение к миру, отношения с собой и другими людьми.

Для исследования ядерного слоя образа мира использовалась технология «Глубина осмысленности жизни» (Meaning In Life Depth (MILD)) П.Иберсола (P. Ebersole), представляющая собой короткое эссе, в котором участники исследования отвечают на вопрос о смысле собственной жизни (Ebersole, Quiring, 1991). Использование данного инструментария обосновано идеями экзистенциальной психологии и результатами исследований, где демонстрируются процессы как утраты смысла в первое время после потери близкого, так и конструирования нового смысла жизни на более поздних этапах горевания, которое служит новой опорой для горющего и позволяет ему продолжать жить в новой реальности, где больше нет ушедшего (Заманаева, 2007; Ялом, 2019; Франкл, 2018; Ummel et al., 2020; Delgado et al., 2023).

Для оценки жизненных изменений после утраты близкого человека применялся опросник посттравматического роста (ОПТР) Р.Тадешчи (R. Tedeschi) и Л.Калхауна (L. Calhoun) в адаптации М.Ш.Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 2008). Опросник измеряет степень позитивных изменений, произошедших после травматического события (в данном случае утраты близкого) и состоит из пяти подшкал, которые относятся как к семантическому, так и к ядерному слою образа мира личности:

1) отношение к другим;

2) новые возможности;

3) сила личности;

4) духовные изменения;

5) повышение ценности жизни.

Его использование методически обосновано рядом исследований, демонстрирующих значительный посттравматический рост при столкновении с переживанием утраты (Carson et al., 2021; Delgado et al., 2023; Grant et al., 2023).

Выборка

В исследовании приняли участие 80 человек (среди них 66 женщин и 14 мужчин) в возрасте от 19 до 57 лет ($M = 30,37$, $ст. = 8,37$), пережившие утрату близкого от 1 месяца до 2 лет назад¹. Этот период утраты был выбран исходя из имеющихся в литературе данных о том, что период горевания продолжается не менее нескольких месяцев (Tatelbaum, 1980) и в большинстве случаев продолжается до одного года (Василюк, 1991) или двух лет (Старшенбаум, 2005). При этом примерно до одного месяца еще длится период шока, оцепенения, отрицания, эмоциональной дезорганизации, в таком состоянии сложно и неэффективно было бы проводить исследование (Василюк, 1991; Старшенбаум, 2005).

Характеристики утраты на момент начала исследования были следующими.

Объект утраты: смерть бабушек/дедушек (28 чел. — 35,0%), родителей (21 чел. — 26,3%), множественная утрата (потеря от 2 до 5 близких людей) (14 чел. — 17,5%),

¹ Под близким человеком понимался субъективно значимый человек, утрата которого представляет собой значимое событие в жизни. Соглашаясь принять участие в исследовании, респонденты указывали, что потеря была значима для них и ушедший человек близок.

утрата супругов/партнеров или бывших супругов/партнеров (6 чел. — 7,5%), утрата других близких людей и членов семьи (11 чел. — 13,8%).

Срок утраты: от 1 месяца до 2 лет назад. От 1 до 6 месяцев назад близкого потеряли 34 человека (42,5%), от 7 до 12 месяцев назад — 36 человек (45,0%), от 13 месяцев до 2 лет назад — 10 человек (12,5%).

В группе с множественной потерей (утрата от 2 до 5 близких людей) срок утраты учитывался по последней потере, так как период, когда произошла множественная утрата, имел широкий разброс. В данном случае термин «множественная утрата» отражал потерю нескольких близких людей, а также то обстоятельство, что, независимо от срока утраты, участники исследования указывали на потерю близкого человека как на значимую, даже если она произошла много лет назад. В целом два человека потеряли нескольких близких людей за последние 6 месяцев, шесть человек — за последний год, три человека — за последние 1,5 года, у двоих человек одна потеря произошла до 6 месяцев назад, а вторая — до 2,5 лет назад, еще у двоих человек потеря произошла от 1,5 до 4 лет назад и у одного человека было две потери, одна из которых произошла 7 месяцев назад, а вторая — 7 лет назад.

Причина смерти близкого человека: болезнь (59 чел. — 73,8%), случайность — несчастный случай, врачебная халатность, ДТП, утопление (4 чел. — 5,0%), убийство и самоубийство (3 чел. — 3,8%), разные причины утраты в ситуации множественной потери (14 чел. — 17,5%).

Описание процедуры исследования

Участие в исследовании проходило на добровольной основе. Выборка набиралась с помощью социальной сети «ВКонтакте». Исследование носило лонгитюдный характер и включало три замера: через каждые 3 месяца участники исследования заполняли Google-форму с предложенными методиками.

Данные, полученные в результате исследования, обрабатывались при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics 22. Статистическая обработка результатов исследования включала частотный анализ, описательные статистики, контент-анализ, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), непараметрический критерий Фридмана. Предварительно был проведен многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) с повторными измерениями, показавший наличие значимых различий по трем измерениям. Для их более детального анализа был проведен однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика образа мира в процессе переживания утраты: уровневый анализ.

Сложная структура образа мира предполагает, что изменения на разных уровнях будут протекать неравномерно. С этой точки зрения мы проанализировали полученные данные по каждому из слоев.

На уровне перцептивного слоя образа мира, где представления о мире являются основным содержанием, по результатам трех измерений на протяжении полугодия значимые различия между собой (по критерию Фридмана) продемонстриро-

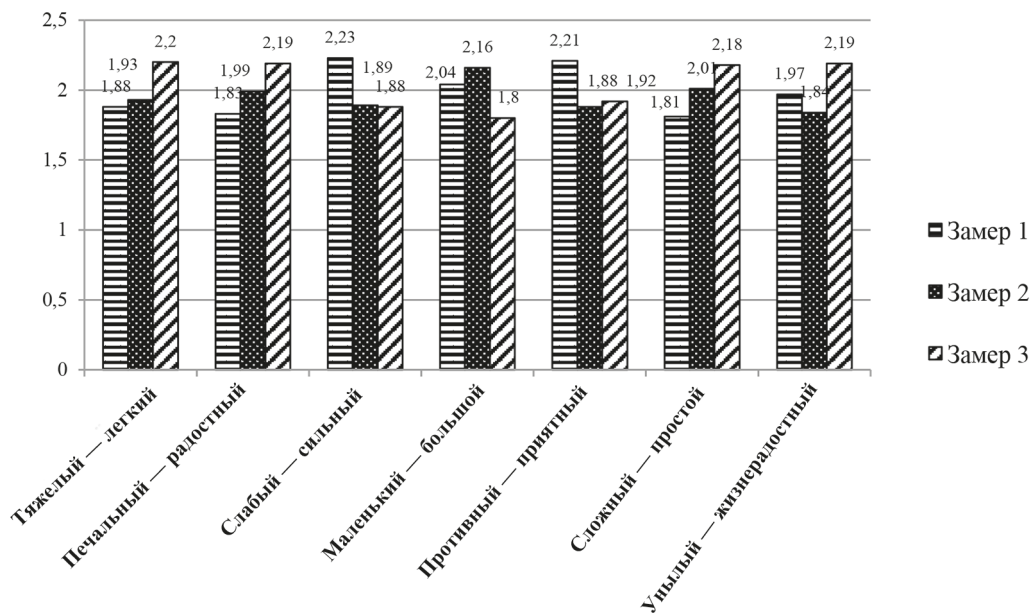

Рис. 2. Средний ранг значимых характеристик мира по непараметрическому критерию Фридмана ($N=80$)

вали 7 характеристик из 25 (рис. 2)²: «тяжелый — легкий» ($p=0,034$), «печальный — радостный» ($p=0,022$), «слабый — сильный» ($p=0,014$), «маленький — большой» ($p=0,015$), «противный — приятный» ($p=0,018$), «сложный — простой» ($p=0,017$), «унылый — жизнерадостный» ($p=0,030$).

Как видно из полученных данных, к третьему замеру респонденты начали воспринимать мир как более легкий, радостный, простой и жизнерадостный, что может говорить о более позитивном восприятии мира, которое формируется по мере того, как проходит больше времени с момента утраты. При этом результаты демонстрируют, что в первом замере мир воспринимается как более сильный, в то время как во втором и третьем замерах — как более слабый, что может говорить об осознании некоторой беспомощности человека под силой тяжёлых обстоятельств, а также необходимости «быть сильным» в момент утраты. Динамика по характеристике «маленький — большой» (рост во втором замере и снижение к третьему замеру) скорее отражает процесс осознания своих возможностей по мере прохождения начальных этапов горевания. По характеристике «противный — приятный» наблюдается снижение показателей во втором и третьем замерах. Возможно, оценка мира как более приятного в первое время после потери связана с большим количеством поддержки от окружения.

Изучение отношения к миру, которое отражает специфику семантического слоя образа мира, в динамике трех измерений показало, что большинство шкал и субшкал значимо различаются (по критерию Фридмана) во всех трех измерениях: первая фундаментальная мотивация — фундаментальное доверие (опора

² Наименьший балл имеет первая указанная характеристика, а наибольший — вторая, например, чем выше балл по показателю «тяжелый — легкий», тем сильнее выбирается полюс «легкий».

($p=0,000$), защищенность ($p=0,042$), пространство ($p=0,000$), вторая фундаментальная мотивация — фундаментальная ценность ($p=0,000$) (соотнесенность ($p=0,000$), время ($p=0,002$), близость ($p=0,020$)), третья фундаментальная мотивация — самооценность ($p=0,000$) (заинтересованное внимание ($p=0,000$), справедливое отношение ($p=0,000$)), четвертая фундаментальная мотивация — смысл жизни ($p=0,000$) (возможности для деятельности ($p=0,000$), включенность во взаимосвязи ($p=0,002$), ценность в будущем ($p=0,000$)), общий показатель экзистенциальной исполненности ($p=0,000$).

По таким показателям, как «опора» и «близость», третьей и четвертой фундаментальным мотивациям — «самоценность» («заинтересованное внимание», «справедливое отношение») и «смысл жизни» («возможности для деятельности», «включенность во взаимосвязи», «ценность в будущем»), а также общему показателю экзистенциальной исполненности к третьему замеру наблюдается значимый рост. Это может говорить о том, что с течением времени респонденты, пережившие утрату близкого, обретают новые опоры, начинают в большей степени чувствовать близость с другими людьми, свою самооценку и стремятся принимать подлинные, аутентичные решения. Они все больше фокусируются на осмыслении своей жизни в более широких контекстах и видят в ней смысл. Однако по таким показателям, как «защищенность», «пространство», и по второй экзистенциальной мотивации — фундаментальная ценность («соотнесенность», «время») зафиксировано снижение к третьему замеру. Возможно, данный результат свидетельствует о дефиците ощущения свободы, безопасности, радости от жизни и, скорее всего, является следствием переживаемой утраты.

Динамика ядерного слоя образа мира проявилась в значимых (по критерию Фридмана) различиях по всем показателям посттравматического роста в трех замерах (рис. 3): отношение к другим ($p=0,000$), новые возможности ($p=0,000$), сила личности ($p=0,001$), духовные изменения ($p=0,001$), повышение ценности жизни ($p=0,004$), общий показатель посттравматического роста ($p=0,000$).

Чем больше времени проходило с момента утраты, тем более высокими становились показатели посттравматического роста. Изменения касались отношения к другим людям в сторону большей открытости, позитивности, сострадания. Появились ощущения новых возможностей, новых интересов, желание изменений. Проходя через тяжелый путь горевания, респонденты начинали чувствовать большую уверенность в себе и внутреннюю силу, чтобы справляться с трудностями, лучше понимать душевные проблемы других людей. У них повышалась ценность жизни вообще и каждого момента жизни в частности.

Исследование динамики жизненных смыслов респондентов показало, что между первым и вторым замерами изменения произошли у 75 % респондентов, между вторым и третьим замерами — у 58,8 %, между первым и третьим замерами — у 72,5 %. Таким образом, у $\frac{3}{4}$ респондентов произошло изменение смысла жизни в процессе переживания утраты близкого ($p=0,012$). В целом это может говорить о том, что ядерный слой образа мира, содержание которого связано с ценностно-смысловой составляющей жизни, оказывается довольно подвижной структурой.

Наиболее интересным результатом из представленных показателей является изменение смыслов по двух категориям: «служение» ($p=0,039$) и «потеря / отсутствие / поиск смысла жизни» ($p=0,050$). С увеличением времени, прошедшего с момента

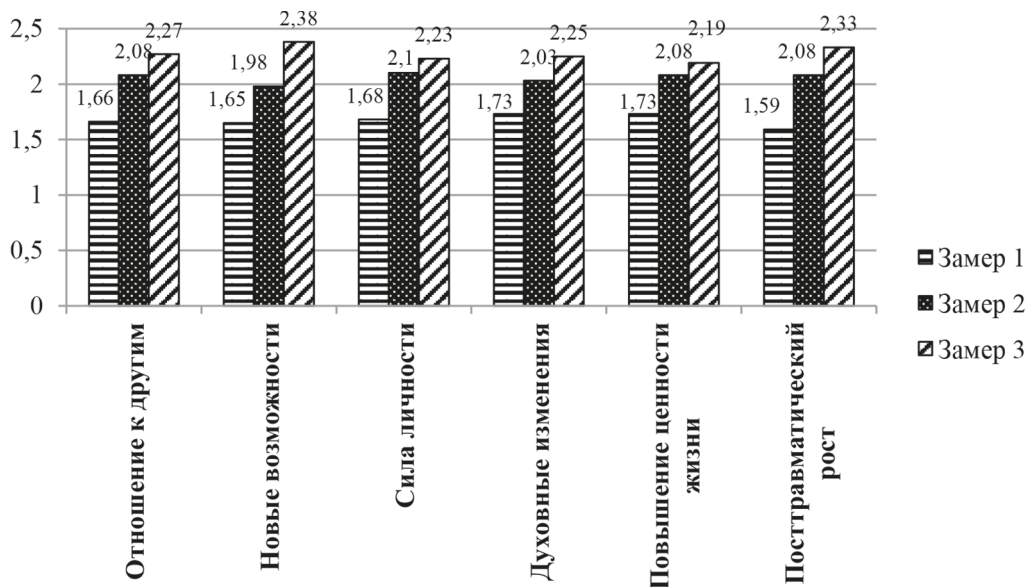

Рис. 3. Динамика показателей посттравматического роста по непараметрическому критерию Фридмана ($N=80$)

утраты близкого человека, происходит значимое снижение количества людей с потерей смысла жизни, а также рост смысла жизни «служение» на промежуточном этапе (второй замер), который затем возвращается примерно к первоначальным значениям. Превалирование поиска, отсутствия или потери смысла жизни в первом замере соответствует начальным этапам горевания, так как зачастую смерть близкого рушит прежние опоры и нужно время для того, чтобы выстроить их заново. Усиление смысла служения со временем (во втором замере) может говорить о том, что выход из потери смысла жизни происходит через помощь Другому и сферу отношений.

В качестве примера динамики смысла жизни можно привести эссе одной из участниц исследования — женщины 36 лет.

В начале исследования (5 месяцев с момента утраты) женщина так описывает смысл собственной жизни: «Очень странно, впервые этот вопрос повергает меня в ступор. Ранее я всегда считала, что смысл жизни в процессе, в наслаждении, в смаковании каждого дня и получении удовлетворения от прожитых моментов. Но поскольку в последнее время я утратила это ощущение счастья, то как будто и смысла как такового нет...» Здесь мы можем наблюдать потерю смысла жизни.

Через три месяца ответ о смысле жизни трансформировался в следующий: «Я по-прежнему вижу смысл жизни в удовлетворении самой жизнью и гармонии с собой и окружающим миром. Быть довольным каждый день, смотреть позитивно на мир и вещи и быть благодарным за все возможности». Это высказывание отражает стремление получить от жизни удовольствие.

На завершающем этапе исследования (еще через три месяца), когда прошло 11 месяцев с момента утраты, мы видим укрепление смысла получения удовольствия от жизни: «Смысл жизни — гармоничность существования, семья, удовлетворение проживанием жизни».

Таким образом, такое поворотное событие в жизни, как смерть близкого человека, проникает и в глубинные, ядерные структуры образа мира. В процессе горевания происходит процесс переопределения смысла жизни: через его потерю к обретению новых смыслов.

Тем не менее следует отметить, что наибольшую чувствительность к изменениям при переживании утраты близкого человека демонстрирует по сравнению с перцептивным и ядерным слоями именно семантический слой образа мира. Этот уровень образа мира раскрывает отношение к тому, что происходит вокруг, и столкновение с конечностью существования в значительной степени способствует его переосмыслению и смысловой реконструкции.

Влияние объекта, срока и причины утраты на динамику образа мира

Для проверки второй гипотезы нашего исследования, в которой предполагается, что на изменения образа мира личности влияют объект, срок и причина утраты, нами был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) полученных данных по каждому уровню образа мира.

Результаты показывают, что в зависимости от объекта утраты на уровне перцептивного слоя образа мира респонденты различаются по таким характеристикам восприятия мира, как «плохой — хороший» (в третьем замере) ($p = 0,025$) и «хаотичный — упорядоченный» (в первом замере: $p = 0,043$ и в третьем замере: $p = 0,025$). Респонденты, которые потеряли бабушек и дедушек, постепенно меняют свои представления о мире в негативную сторону и думают о нем как о более хаотичном. Те, кто потерял родителей, постепенно улучшают свои представления о мире. Столкнувшиеся со множественной утратой со временем начинают воспринимать мир как более упорядоченный. Зафиксированные изменения могут отражать динамику процессов, связанных со структурированием и систематизацией опыта у людей, которые сталкиваются с несколькими потерями подряд, а также в зависимости от степени близости потери.

По фактору «причина смерти близкого» были выявлены различия по параметрам «сложный — простой» (в третьем замере) ($p = 0,043$), «хаотичный — упорядоченный» (во втором замере) ($p = 0,039$). В других замерах по этим характеристикам значимых отличий не было выявлено, но мы их добавили в графики для большей наглядности (рис. 4, 5).

Как видно на графиках средних значений групп, люди, которые потеряли близких по разным причинам, воспринимают мир как менее сложный, в то время как те, у кого близкий человек ушел по причине несчастного случая, врачебной халатности, ДТП, утопления — как более сложный и упорядоченный. При этом те, у кого близкий умер по причине убийства или самоубийства, на втором этапе исследования продемонстрировали восприятие мира как более хаотичного. Возможно, множественные переживания утраты способствуют упрощению представлений о мире, а потери близкого в результате убийства или самоубийства усиливают переживания о невозможности контроля над происходящим.

Параметр «хаотичный — упорядоченный» проявился и при сравнении респондентов в зависимости от срока утраты. Люди со сроком утраты от 7 до 12 месяцев

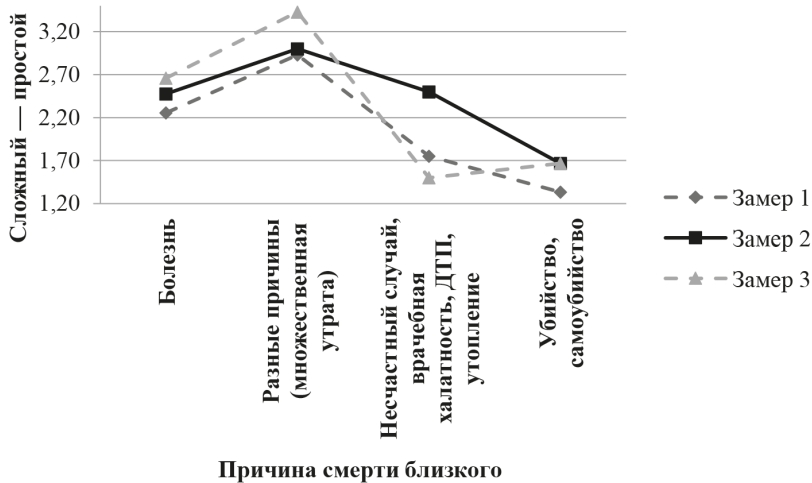

Рис. 4. Различия в группах с разной причиной смерти близкого по показателю «сложный — простой» (баллы)

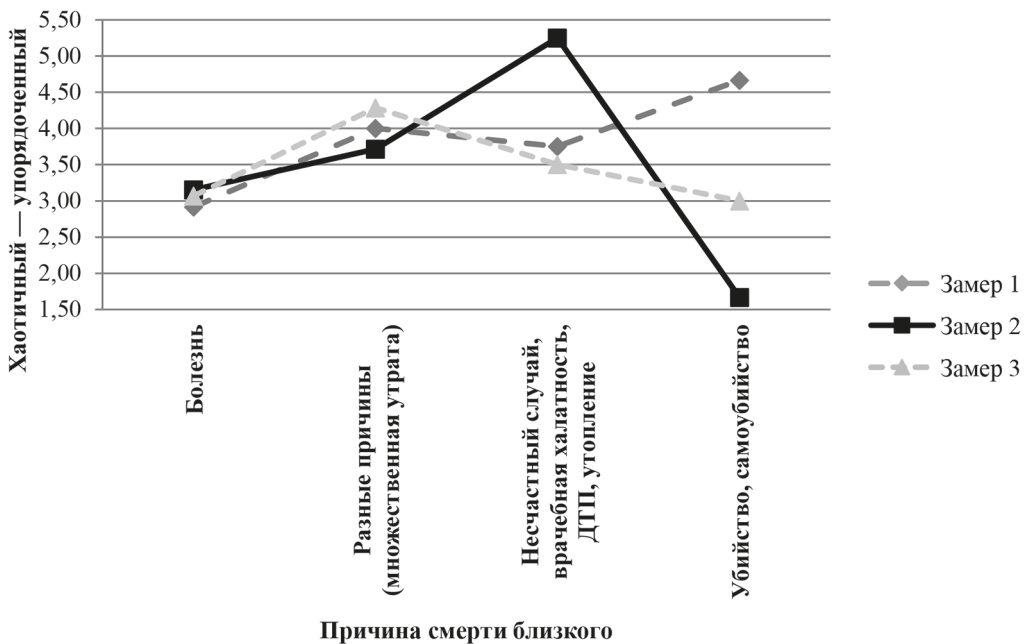

Рис. 5. Различия в группах с разной причиной смерти близкого по показателю «хаотичный — упорядоченный» (баллы)

на первом этапе исследования (в первом замере: $p = 0,009$) воспринимали мир как более хаотичный, в то время как те, у кого с момента утраты прошло от 13 месяцев до 2 лет, — как менее хаотичный. Эта тенденция сохраняется на протяжении всех трех замеров, что может быть свидетельством упорядочивания опыта утраты и его интеграции в представления о мире на более поздних сроках горевания.

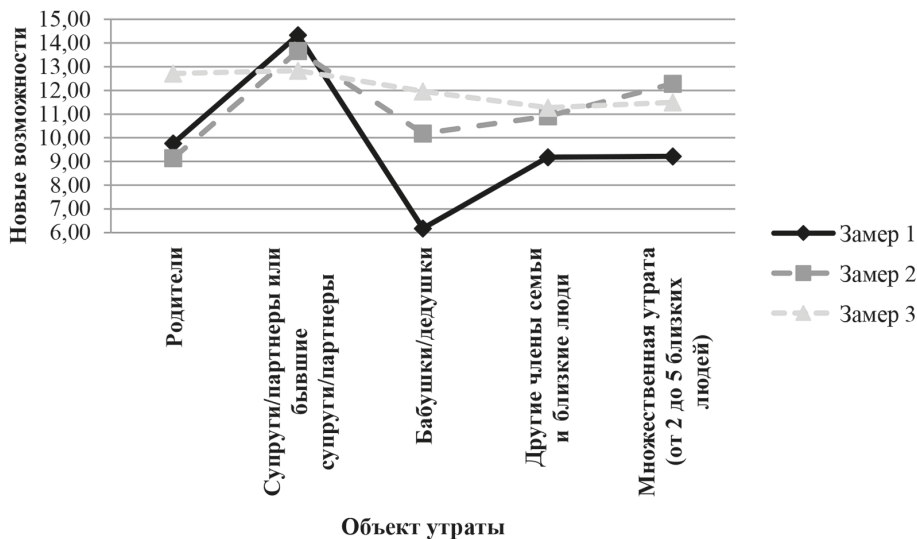

Рис. 6. Различия в группах с разным объектом утраты по показателю «новые возможности» (баллы)

На уровне семантического слоя образа мира не было выявлено значимых различий в зависимости от объекта утраты и причины смерти близкого. Однако они наблюдаются в зависимости от срока, прошедшего с момента утраты. В первом замере респонденты, у которых с момента утраты прошло от 7 до 12 месяцев, продемонстрировали более высокое ощущение защищенности ($p = 0,034$), что, возможно, обусловлено большей поддержкой окружения в этот период. Во втором и третьем замерах различий не наблюдается.

На ядерном уровне образа мира зафиксированы значимые различия между участниками исследования в зависимости от объекта утраты по таким факторам посттравматического роста, как «новые возможности» ($p = 0,037$) и «сила личности» ($p = 0,005$). Во втором и третьем замерах значимых различий не наблюдается. Выявленные различия представлены на графиках средних значений групп (рис. 6, 7).

На первом этапе исследования показатели «новые возможности» и «сила личности» были выше у тех, кто потерял нынешних или бывших супругов/партнеров, и у тех, кто столкнулся со множественной утратой. А ниже всего у тех, кто потерял бабушек и дедушек. Можно предположить, что столкновение с такими тяжелыми потерями, как утрата партнера по жизни или утрата сразу нескольких близких, особенно на начальных этапах горевания, вынуждает человека искать новые возможности для жизни, пересматривать свой привычный уклад повседневности, а также прикладывать больше внутренних сил, чтобы справляться с трудностями разного плана. Со временем эти различия стираются.

Параметр «новые возможности» оказался значимым ($p = 0,044$) различающим фактором и по сроку утраты. В начале исследования (первый замер) этот показатель был выше у тех, у кого прошло от 13 месяцев до 2 лет с момента утраты, что может свидетельствовать о приближении к завершению процесса горевания (согласно стадийным моделям, например: (Кюблер-Росс, 2001)), когда происходят

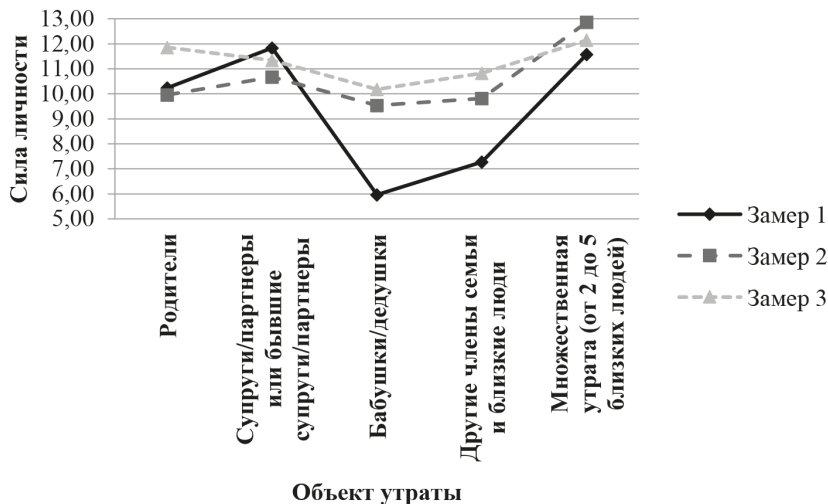

Рис. 7. Различия в группах с разным объектом утраты по показателю «сила личности» (баллы)

интеграция образа умершего во внутренний мир личности и принятие потери. Во втором и третьем замерах значимых отличий между группами не выявлено. Отсутствие различий показывает прохождение стадий горевания и другими респондентами, потеря которыми близких была свежа в начале исследования.

В зависимости от причины смерти близкого респонденты различаются по такому фактору посттравматического роста, как «повышение ценности жизни» во втором замере ($p = 0,048$). Ощущение повышения ценности жизни было выявлено у тех, кто столкнулся со множественной утратой, в то время как снижение — у тех, кто потерял близкого по причине убийства и самоубийства. Эта тенденция сохраняется на протяжении всех измерений. В первом и третьем замерах значимых отличий не наблюдается. Возможно, полученные различия во втором замере являются свидетельством большей рефлексии и осмысления жизни у тех респондентов, кто за короткий период неоднократно соприкоснулся с потерями (как в случае с множественной утратой), чем в случае единичной потери (как при самоубийстве или убийстве). С другой стороны, может влиять и факт насильственности и неестественности смерти в результате самоубийства или убийства, что несет в себе послание, что жизнь не представляет особой ценности, ее легко можно забрать. Кроме того, такой уход часто вызывает тяжелые переживания у потерявшего близкого человека: от чувства вины, что не спас его, до злости на тех, кто совершил преступление. Эти факторы могут препятствовать повышению ценности жизни в данной ситуации.

Влияние возраста и гендера на динамику образа мира

Так как наша выборка была неоднородна в отношении возраста (от 19 до 57 лет) и гендера (мужской и женский), мы проверили влияние этих двух факторов на изменения образа мира с помощью однофакторного дисперсионного анализа

(ANOVA). Нами были получены значимые отличия по перцептивному и семантическому слоям образа мира. В отношении влияния возраста и гендера на ядерный слой значимых отличий получено не было.

Результаты показывают, что возраст респондента, переживающего утрату, влияет на восприятие некоторых характеристик образа мира. На первом этапе (первый замер) были получены значимые различия по характеристике «сложный — простой» ($p = 0,005$). Участники в возрасте от 41 до 57 лет (период поздней взрослости) описывали мир как более простой по сравнению с остальными (19–25-летними и 26–40-летними). Во втором и третьем замерах значимых отличий было получено гораздо больше. На втором этапе по характеристикам: «унылый — жизнерадостный» ($p = 0,045$), «грязный — чистый» ($p = 0,017$), «несправедливый — справедливый» ($p = 0,011$), «враждебный — дружелюбный» ($p = 0,045$). В третьем замере: «плохой — хороший» ($p = 0,003$), «противный — приятный» ($p = 0,020$), «хаотичный — упорядоченный» ($p = 0,035$), «напряженный — расслабленный» ($p = 0,013$), «жесткий — мягкий» ($p = 0,025$), «злой — добрый» ($p = 0,050$), «несправедливый — справедливый» ($p = 0,021$), «враждебный — дружелюбный» ($p = 0,028$). Тест Дункана показал, что люди, находящиеся в периоде поздней взрослости, характеризуют мир как более жизнерадостный, чистый, справедливый, дружелюбный, хороший, приятный, упорядоченный, расслабленный, мягкий и добрый, в то время как в период ранней и средней взрослости — как более унылый, грязный, несправедливый, враждебный, плохой, противный, хаотичный, напряженный, жесткий и злой.

Полученные результаты могут быть связаны как с задачами возраста, так и с особенностями переживания утраты. Возможно, для более молодых людей утрата близкого — это новый и первый опыт столкновения со смертью, в связи с которым рушится иллюзия бессмертия и мир начинает восприниматься более враждебно. В более зрелом возрасте, вероятнее всего, уже был опыт столкновения со смертью, люди относятся друг к другу более терпимо и принимают факт утраты как часть жизни. Отчасти такие результаты согласуются с данными других исследований, где было обнаружено, что в более молодом возрасте чаще наблюдаются симптомы осложненного горя, чем в более позднем (Бурина, Добрякова, 2018).

В качестве косвенного подтверждения данного объяснения можно рассматривать влияние возраста на показатели экзистенциальной исполненности личности (семантический слой образа мира). В первом и втором замерах значимые различия были получены по показателю «возможности для деятельности» (первый замер: $p = 0,008$, второй замер: $p = 0,010$). В третьем замере по показателю «защищенность» ($p = 0,032$). По всем трем показателям выше значения в поздней взрослости и ниже — в ранней взрослости. Другими словами, в более позднем возрасте люди ощущают себя в большей безопасности и принятии другими людьми, находят больше возможностей для деятельности. Однако для проверки данного предположения необходимо дальнейшее исследование.

Исследование влияния гендера на восприятие мира (перцептивный слой образа мира) показывает, что имеются различия по отдельным характеристикам между мужчинами и женщинами («шершавый — гладкий» во втором замере ($p = 0,020$) и «холодный — горячий» в третьем замере ($p = 0,011$)). Возможно, это связано с большей эмоциональностью женщин как при переживании утраты, так

и в восприятии других жизненных событий. Однако полученные отличия показывают ситуативное влияние (только в одном или двух замерах). Устойчивых отличий на протяжении трех замеров получено не было.

Выводы

Исходя из полученных результатов, можно сделать следующие выводы о динамике изменений образа мира личности на протяжении первых двух лет после утраты близкого человека.

Динамика образа мира в ситуации утраты отличается гетерохронностью и неравномерностью изменений:

- изменения перцептивного слоя образа мира носят достаточно локальный характер и показывают, что наиболее чувствительным к изменениям является характеристика «хаотичный — упорядоченный», что указывает, с одной стороны, на низкую степень согласованности представлений о мире при переживании утраты, их разрозненность и хаотичность, а с другой — демонстрирует потребность людей, столкнувшихся со смертью близкого, в структуризации, систематизации опыта, его интеграции в представление о мире. С течением времени, прошедшего с момента утраты, мир начинает восприниматься как более легкий, радостный, простой и жизнерадостный;

- изменения семантического слоя образа мира оказались наиболее динамичными и связанными с трансформацией отношения к другим людям в сторону открытости, позитивности, сострадания. С течением времени с момента утраты респонденты обретают новые опоры и чувствуют близость с другими людьми, стремятся чувствовать свою ценность и принимать аутентичные решения, при этом они стараются осмыслить свою жизнь в более широких контекстах и видеть в ней смысл. При этом респонденты ощущают недостаточное количество свободы, безопасности и радости от жизни, что, скорее всего, является следствием переживаемой утраты;

- изменения ядерного слоя образа мира больше связаны с появлением ощущения новых возможностей, новых интересов, желанием изменений. У людей может повышаться ценность жизни вообще и каждого момента жизни в частности. При этом с увеличением интервала времени, прошедшего с момента утраты близкого человека, происходит снижение количества людей с потерей смысла жизни.

В отношении объекта, срока и причины утраты, а также возраста и гендера можно отметить их ситуативное влияние в процессе переживания утраты и изменение образа мира. Устойчивых изменений на протяжении трех замеров выявлено не было. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что на изменения образа мира в большей степени влияют субъективные переживания (например, значение утраты), нежели объективные параметры (объект, срок, причина). Эта гипотеза будет проверена нами в дальнейшем качественном анализе данных.

Полученные результаты показывают, что изменения образа мира в ситуации утраты близкого человека во многом связаны со стадиями горевания и могут быть диагностическими маркерами в индивидуальном психологическом консультировании. Понимание мировосприятия клиента, переживающего утрату, со стороны психолога способствует разработке адресных программ психологической помощи, направленных на перестройку образа жизни и восприятия мира (себя, других,

жизни), принятие реальности потери и мира без ушедшего человека, осознание индивидуального значения утраты и произошедших изменений, интеграцию этих изменений в образ мира и создание новых опор.

Литература

- Анциферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 2. С. 8–18.
- Артемьева Е. Ю., Стрелков Ю. К., Серкин В. П. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи // Мышление. Общение. Опыт: межвузовский тематический сборник. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1983. С. 99–108.
- Баканова А. А., Сысоенко С. В. Психологические аспекты переживания смерти родителя в зрелом возрасте // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2022. № 4 (апрель). ART 3066. URL: <http://emissia.org/offline/2022/3066.htm> (дата обращения: 04.08.2023).
- Барина О. В., Малютин А. С. Специфика переживания утраты близкого человека // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2020. № 1 (50). С. 87–96. <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2020.1.087>
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
- Бурина Е. А., Добрякова А. Ю. Клинико-психологические особенности лиц, переживших осложненное горе // Петербургский психологический журнал. 2018. № 25. С. 94–120.
- Васильюк Ф. Е. Пережить горе // О человеческом в человеке: сборник / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 230–247.
- Васильюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.
- Гришина Н. В. Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Заманаева Ю. В. Утрата близкого человека — испытание жизнью / под ред. М. В. Осориной. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007.
- Кононова А. И., Костромина С. Н. Теоретические основания процессуальной модели образа мира личности // Национальный психологический журнал. 2023. № 2 (49). С. 14–28. <https://doi.org/10.11621/nprj.2023.0202>
- Костромина С. Н., Гришина Н. В. Процессуальный подход в психологии личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности: сб. статей / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 506–512.
- Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М.: София, 2001.
- Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения / под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
- Линдеманин Э. Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 247–255.
- Магомед-Эминов М. Ш. Феномен экстремальности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 2008.
- Мишина М. И., Серкин В. П. Изменение образа мира после переживания дорожно-транспортного происшествия // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2016. Т. 6. С. 293–300.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов. М.: Пчела, 2008.
- Серкин В. П. Пять определенных понятия «образ мира» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2006. № 1. С. 11–19.
- Старшенбаум Г. В. Суицидология и кризисная психотерапия. М.: Когито-Центр, 2005.
- Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 203–211.

- Шумский В. Б., Уколова Е. М., Осин Е. Н., Лупандина Я. Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 4. С. 763–788. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-763-788>
- Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2019.
- Browning D. Saying goodbye, saying hello: A grief sojourn // Journal of Palliative Medicine. 2002. Vol. 5, no. 3. P. 465–469. <https://doi.org/10.1089/109662102320135432>
- Carson J., Gunda A., Qasim K., Allen R., Bradley M., Prescott J. Losing a loved one during the COVID-19 pandemic: An on-line survey looking at the effects on traumatic stress, coping and post-traumatic growth // OMEGA — Journal of Death and Dying. 2021. Vol. 88, no. 2. P. 653–667. <https://doi.org/10.1177/00302228211049683>
- Delgado H., Goergen J., Tyler J., Windham H. A loss by suicide: The relationship between meaning-making, post-traumatic growth, and complicated grief // OMEGA — Journal of Death and Dying. 2023. <https://doi.org/10.1177/00302228231193184>
- Ebersole P., Quiring G. Meaning in life depth: The mild // Journal of Humanistic Psychology. 1991. No. 31 (3). P. 113–124. <https://doi.org/10.1177/0022167891313011>
- Grant P., Levy K., Rossi J., Kerr C. Role of post-traumatic growth in bereavement outcomes: An inquiry of family caregivers in hospice // Journal of Palliative Medicine. 2023. Vol. 27, no. 2. <https://doi.org/10.1089/jpm.2023.0121>
- Neimeyer R. A. Reauthoring life narratives: Grief therapy as meaning reconstruction // The Israel Journal of Psychiatry and Related Sciences. 2001. Vol. 38, no. 3–4. P. 171–183.
- Silverman P. R. Living with grief, rebuilding a world // Journal of Palliative Medicine. 2002. Vol. 5, no. 3. P. 449–454. <https://doi.org/10.1089/109662102320135414>
- Tatelbaum J. The courage to grief: Creative living, recovery and growth through grief. New York: Lippincott & Crowell, 1980.
- Ummel D., Vachon M., Bourget-Godbout A., Francoeur-Caron C. Bereavement trajectories of family caregivers who lost a loved one from COVID-19: Ethical dilemmas and search for meaning // Conference: 11th EAPC World Research Congress Online, 7–9 October, 2020. New York, 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epdf/10.1177/0269216320958098> (дата обращения: 02.09.2023).
- Worden J. W. Grief Counseling and Grief Therapy. A Handbook for the Mental Health Practitioner. 5th ed. New York: Springer Publishing, 2018.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2023 г.;
рекомендована к печати 15 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Грекова-Кононова Алина Игоревна — аспирант; alina-kononova-2013@mail.ru

The dynamics of the personality's world image in a situation of loss of a loved one

A. I. Grekova-Kononova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Grekova-Kononova A. I. The dynamics of the personality's world image in a situation of loss of a loved one. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2024, vol. 14, issue 2, pp. 260–277. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.204> (In Russian)

The article presents the results of changing the image of the personality's world in a situation of experiencing the loss of a loved one. The longitudinal study, which included three measurements with a difference of three months, involved 80 people who had experienced the death of a loved one from 1 month to 2 years ago. To study the dynamics of the image of the world, we used: a modified version of the semantic differential of Ch. Osgood, the test of existential motivations by A. Langle, the technology “Depth of meaningfulness of life” by

P. Ibersol, the questionnaire of post-traumatic growth by R. Tadeshi and L. Calhoun. Statistical methods: frequency analysis, descriptive statistics, content analysis, one-factor analysis of variance (ANOVA), nonparametric Friedman criterion. Results: 1. The dynamics of the image of the world in a situation of loss is characterized by heterochrony and unevenness: changes in the perceptual layer of the image of the world are quite local in nature and show that the most sensitive to changes is the characteristic “chaotic — ordered”; changes in the semantic layer of the image of the world turned out to be the most dynamic and associated with the transformation of attitudes towards other people towards openness, positivity, compassion; changes in the nuclear layer of the image of the world are more concerned with the emergence of a sense of new opportunities, new interests, a desire for change, increasing the value of life, gaining new life meanings. 2. With regard to the object, term and cause of loss, as well as age and gender, their situational influence in the process of experiencing loss on changes in the image of the world and its components can be noted.

Keywords: image of the world, the situation of loss, dynamics, death of a loved one, personality psychology, procedural approach.

References

- Antsyferova, L. I. (1981). On the dynamic approach to the psychological study of personality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2 (2), 8–18. (In Russian)
- Artemyeva, E. Yu., Strelkov, Yu. K., Serkin, V. P. (1983). Description of the structures of subjective experience: Context and tasks. *Myshlenie. Obshchenie. Opyt. Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik* (pp. 99–108). Yaroslavl, Yaroslavl State University Press. (In Russian)
- Bakanova, A. A., Sysoenko, S. V. (2022). Psychological aspects of experiencing the death of a parent in adulthood. *The Emissia. Offline Letters: Electronic Scientific Journal*, 4 (April), ART 3066. Available at: <http://emissia.org/offline/2022/3066.htm> (accessed: 04.08.2023). (In Russian)
- Barinova, O. V., Malyutina, A. S. (2020). The specifics of experiencing the loss of a loved one. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika i psikhologiya*, 1 (50), 87–96. <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2020.1.087> (In Russian)
- Browning, D. (2002). Saying goodbye, saying hello: A grief sojourn. *Journal of Palliative Medicine*, 5 (3), 465–469. <https://doi.org/10.1089/109662102320135432>
- Brushlinsky, A. V. (2003). *Psychology of the subject*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press; St. Petersburg, Aleteia Publ.
- Burina, E. A., Dobryakova, A. Yu. (2018). Clinical and psychological characteristics of people who have experienced complicated grief. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 25, 94–120. (In Russian)
- Carson, J., Gunda, A., Qasim, K., Allen, R., Bradley, M., Prescott, J. (2021). Losing a loved one during the COVID-19 pandemic: An on-line survey looking at the effects on traumatic stress, coping and post-traumatic growth. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 88 (2), 653–667. <https://doi.org/10.1177/003022282111049683>
- Delgado, H., Goergen, J., Tyler, J., Windham, H. (2023). A loss by suicide: The relationship between meaning-making, post-traumatic growth, and complicated grief. *OMEGA — Journal of Death and Dying*. <https://doi.org/10.1177/00302228231193184>
- Ebersole, P., Quiring, G. (1991). Meaning in life depth: The mild. *Journal of Humanistic Psychology*, 31 (3), 113–124. <https://doi.org/10.1177/0022167891313011>
- Frankl, V. (2018). *The will to make sense*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ. (In Russian)
- Freud, S. (1984). Sadness and melancholy. In: V. K. Vilyunas, Yu. B. Gippenreiter (eds). *Psikhologiya emotsii. Teksty* (pp. 203–211). Moscow, Moscow University Press. (In Russian)
- Grant, P., Levy, K., Rossi, J., Kerr, C. (2023). Role of post-traumatic growth in bereavement outcomes: An inquiry of family caregivers in hospice. *Journal of Palliative Medicine*, 27 (2). <https://doi.org/10.1089/jpm.2023.0121>
- Grishina, N. V. (2023). Targeted regulation of human behavior. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13 (3), 310–323. (In Russian)

- Kononova, A. I., Kostromina, S. N. (2023). Theoretical foundations for the procedural model of the image of the world of personality. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2 (49), 14–28. (In Russian)
- Kostromina, S. N., Grishina, N. V. (2018). Procedural approach in personality psychology. In: Z. Z. Znakov, A. L. Zhuravlev (eds). *Psikhologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniia, obshcheniia i deiatel'nosti: sbornik statei* (pp. 506–512). Moscow, Institut psikhologii RAN Press. (In Russian)
- Kübler-Ross, E. (2001). *About death and dying*. Moscow, Sofiia Publ. (In Russian)
- Leontiev, A. N. (1983). The image of the world. In: V. V. Davydov, V. P. Zinchenko, A. A. Leont'ev, A. V. Petrovskiy (eds). *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniia* (pp. 251–261). Moscow, Pedagogika Publ. (In Russian)
- Lewin, K. (2001). *Dynamic psychology: Selected works*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Lindemann, E. (1984). Acute grief clinic. In: V. K. Vilunas, Yu. B. Gippenreyter (eds). *Psikhologiya emotsii: teksty* (pp. 247–255). Moscow, Moscow University Press. (In Russian)
- Magomed-Eminov, M. Sh. (2007). *Positive human psychology*. Moscow, Psikhooanaliticheskaiia Assotsiatsiia Publ. (In Russian)
- Mishina, M. I., Serkin, V. P. (2016). Changing the image of the world after experiencing a traffic accident. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviakh i krizisnykh situatsiakh zhiznedeiatel'nosti*, 6, 293–300. (In Russian)
- Neimeyer, R. A. (2001). Reauthoring life narratives: Grief therapy as meaning reconstruction. *The Israel Journal of Psychiatry and Related Sciences*, 38 (3–4), 171–183.
- Rubinstein, S. L. (2003). *Being and consciousness. Man and the world*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Serkin, V. P. (2006). Five definitions of the concept of “image of the world”. *Vestnik MGU, Ser. 14. Psikhologiya*, 1, 11–19. (In Russian)
- Serkin, V. P. (2008). *Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics: A textbook for universities*. Moscow, Pchela Publ. (In Russian)
- Shumskiy, V. B., Ukolova, E. M., Osin, E. N., Lupandina, Ya. D. (2016). Diagnosis of existential fulfillment: The original Russian version of the existential motivation test. *Psikhologiya: Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 13 (4), 763–788. (In Russian)
- Silverman, P. R. (2002). Living with grief, rebuilding a world. *Journal of Palliative Medicine*, 5 (3), 449–454. <https://doi.org/10.1089/109662102320135414>
- Starshenbaum, G. V. (2005). *Suicidology and crisis psychotherapy*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ. (In Russian)
- Tatelbaum, J. (1980). *The courage to grief: Creative living, recovery and growth through grief*. New York, Lipincott & Crowell.
- Ummel, D., Vachon, M., Bourget-Godbout, A., Francoeur-Caron, C. (2020). *Bereavement trajectories of family caregivers who lost a loved one from COVID-19: Ethical dilemmas and search for meaning* [Conference presentation abstract]. 11th EAPC World Research Congress Online, October 7–9. New York. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/epdf/10.1177/0269216320958098> (accessed: 02.09.2023).
- Vasilyuk, F. E. (1984). *Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)*. Moscow, Moscow University Press. (In Russian)
- Vasilyuk, F. E. (1991). *To survive the grief*. In: I. T. Frolov (ed.). *O chelovecheskom v cheloveke: sbornik* (pp. 230–247). Moscow, Politizdat Publ. (In Russian)
- Worden, J. W. (2018). *Grief Counseling and Grief Therapy. A Handbook for the Mental Health Practitioner*, 5th ed. New York, Springer Publishing.
- Yalom, I. (2019). *Existential psychotherapy*. Moscow, Klass Publ. (In Russian)
- Zamanaeva, Yu. V. (2007). *The loss of a loved one is a test of life*, ed. M. V. Osorina. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)

Received: November 10, 2023

Accepted: February 15, 2024

Author's information:

Alina I. Grekova-Kononova — Postgraduate Student; alina-kononova-2013@mail.ru